Сергей Журавлёв

Соседи-людоеды

роман

Сергей Журавлёв

Соседи-людоеды

«Автор»
2026

Журавлёв С.

Соседи-людоеды / С. Журавлёв — «Автор», 2026

Маленький городок Пустоваевск живёт в страхе уже двадцать лет. Соседи уверены: мать и сын из первой квартиры — настоящие людоеды. Пропавшие люди, кости в палисаднике, срезанное мясо и признания пьяной старухи — улик хватает, но милиция бездействует. Журналистка Вера приезжает, чтобы разобраться, где правда, а где деревенские слухи. Но раскопки во дворе и найденные останки заставят её усомниться: монстры ли те, кого травят соседи, или зло совсем не там, где его ищут?

© Журавлёв С., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Город, которого не жалко 5
Глава 2. Приезжая 9
Глава 3. Пантелей 13
Конец ознакомительного фрагмента. 15

Сергей Журавлёв
Соседи-людоеды

Глава 1. Город, которого не жалко

Пустоваевск стоял на семи холмах и одной надежде. Надежда умерла в девяносто седьмом, когда закрыли сахарный завод. Холмы остались.

Три тысячи жителей. Два магазина. Один фельдшер. И бесконечное количество слухов, потому что больше здесь действительно не происходило ничего.

Город — если можно было назвать городом это скопление облупленных хрущёвок, силикатных двухэтажек и частных домов с шиферными крышами — лежал в низине между Белой Церковью и трассой на Киев. Когда-то здесь кипела жизнь: грузовики везли свёклу на завод, здание правления колхоза сверкало вывесками, в Доме культуры крутили фильмы по пятницам. Теперь ДК стоял с заколоченными окнами, на воротах колхоза — чья-то насмешливая надпись «Мы ещё живы», выведенная баллончиком, и сухая трава доходила до крыльца.

Главная улица — имени Гагарина, разумеется, — петляла между двух рядов деревьев, посаженных ещё при Сталине. Тополя вымахали до небес, их корни вспучили асфальт, так что по краям дороги образовались такие колеи, что местные называли их «стиральной доской». По этой доске можно было ездить только на «Жигулях», знающих каждую яму, или не ездить вовсе. Приезжие на иномарках сворачивали на полях, иной раз застревая в чернозёме по самые пороги.

Зимой здесь вообще не проехать. Летом — пыль столбом. Весной — непролазная грязь, в которой тонули даже тракторы. Осенью Пустоваевск превращался в болото: листва забивала сточные канавы, вода стояла во дворах по щиколотку, и над всем этим висел запах мокрой прели, гнилого картофеля и кислой капусты из погребов.

Районная милиция ютилась в здании сталинской постройки на окраине, с гипсовым гербом СССР, который забыли снять. Герб облупился, серп и молот держались на честном слове и одном шурупе. Зато в кабинете начальника висели свежие грамоты «За раскрытие» — их привозили из области каждые полгода, пыльные и нераспечатанные конверты. Местные знали: раскрываемость здесь — это когда бомжа, замёрзшего в подвале, записывают как «лицо без определённого места жительства, смерть естественная». И протокол списывают в архив.

Вот уже двадцать лет главной достопримечательностью Пустоваевска был дом 13 по улице Гагарина. Точнее, две квартиры на первом этаже. В одной жила Таисия Васильевна Передрий, доярка, вдова, мать двоих сыновей, разъехавшихся кто в Киев, кто в Черкассы. В другой — Меланья Остаповна и её сын Анатолий.

Соседи называли их людоедами.

Не сразу. Сначала шептались. Потом говорили вполголоса. А после того как Пантелей пропал, а потом нашёлся без печени, перестали скрывать. «Людоеды», — бросали вслед Меланье, когда она, шатаясь, тащила из магазина сумку с бутылками. «Людоед», — шипели Толе, когда он проходил мимо с сигаретой.

Толя был огромным мужиком под два метра, руки — как лопаты, лицо с крупными чертами, помятое, с набухшими мешками под глазами. Он работал мясником на бойне, пока ту не закрыли, а потом копал колодцы по соседним сёлам. Сидел за убийство. Вышел по УДО. Не женился. Иногда приводил женщин, но те не задерживались.

Мать его, Меланья, была маленькой, сухой старухой с жидкими седыми волосами, вечно спутанными в колтун. Она носила фланелевые халаты, не поменяв их, наверное, с начала девя-

ностых. Вечно поддатая, вечно бормочущая что-то себе под нос. Но глаза у неё были живые, маленькие, шустрые, как у вороны. Когда она смотрела на соседей, те нервно отводили взгляд.

Говорили, что она знахарка. Говорили, что она привораживает. Говорили, что от неё никуда не деться. И это было правдой — от Меланьи действительно никуда не денешься, потому что она сидела на своей лавочке у подъезда с утра до ночи, смотрела на улицу, запоминала, кто куда пошёл, кто во сколько вернулся, кто с кем разговаривал.

«Она всё знает», — говорили соседи, и в этом было больше страха, чем уважения.

Таисия Васильевна Передрий вставала в пять утра.

Не потому, что хотела. Потому что в пять утра доярки на ферме уже доили. И потому что в пять утра людоеды ещё спали — по крайней мере, так ей казалось.

Она выходила из квартиры бесшумно, как мышь. Ключи были обмотаны синей изолентой — чтобы не звякали. Дверь закрывала в три оборота, но не до конца, чтобы можно было заскочить обратно, если что. На лестнице висел запах мокрой штукатурки, кошачьей мочи и капусты — вечный запах хрущёвок. Лампочка на площадке не горела уже лет десять, так что спускаться приходилось на ощупь, держась за ржавые перила с выдранными балясинами.

Первый этаж. Их дверь.

Каждый раз, проходя мимо, Таисия задерживала дыхание. Не то чтобы они выскакивали с топором — нет, они спали. Но дверь была приоткрыта. Всегда. Даже зимой, даже в мороз, даже когда в квартире никого не было — она оставалась приоткрытой, на несколько сантиметров, и из щели тянуло тем самым запахом.

Запахом, который Таисия не могла выкинуть из головы.

Она слышала его впервые, когда пропал Пантелей. Сладковатый, тяжёлый, не похожий ни на жареную свинину, ни на баранину. Что-то иное. Что-то, от чего подкатывала тошнота, а в голову лезли мысли, которые она тут же отгоняла крестным знамением.

Потом запах вернулся, когда нашли дядьку Сашу. Снова сладкий дым из вытяжки, снова звук рубки мяса по ночам, снова Меланья, жгущая одежду во дворе.

Таисия не была суеверной. Она работала с коровами тридцать лет, видела, как животные рожают, как умирают, как их разделывают на мясо. Но то, что происходило за дверью 1, не укладывалось в её понимание мира.

Она прошла мимо. Сосчитала до пяти. На пятом шаге — выход на улицу.

Сегодня дверь была приоткрыта шире обычного.

И изнутри доносился голос Меланьи:

— Толя, а Толя... ты сковородку помыл?

Никто не ответил.

Таисия прибавила шагу и вывалилась на улицу, в серое осеннее утро, в запах мокрых листьев и дыма из труб. Она перекрестилась на церковь Петра и Павла, которая виднелась за туманом, и побрела к ферме.

В голове крутилось: если они людоеды, то почему их не посадят? А если не людоеды, то почему все их боятся?

Ферма стояла на отшибе, за картофельным полем, которое никто не засаживал уже второй год, и оврагом, где в детстве находили немецкие гильзы. Теперь в овраге находили шприцы, сдохших собак и иногда — вещи, которые не успели сжечь.

Таисия работала молча. Коровам всё равно, что у тебя на душе. Они жуют свою жвачку и смотрят пустыми глазами, и в этих глазах — вся философия деревенской жизни: терпи, жуй, давай молоко.

Ферма была старой, бетонной, с железными стойлами, ржавыми вёдрами и запахом, который въелся в стены намертво — смесь навоза, дезинфекции и старого сена. Лампы дневного света мерцали, создавая ощущение, что ты находишься не на работе, а в марсианской колонии, где всё сломано, а починить некому.

В обед к ней подошла Зойка — соседка из соседнего подъезда, женщина бойкая, с лицом, которому уже ничего не страшно, потому что ему всё равно. Зойка работала свинаркой, курила «Приму», не выпуская изо рта, и знала все сплетни в радиусе десяти километров.

— Слышала? — спросила Зойка, доставая новую сигарету. — У них опять ночью свет горел до трёх.

— Ну и что, — ответила Таисия, не поднимая головы. — У всех свет горит.

— Свет-то горит. А из вытяжки дым валил. Как из крематория. И пахло...

— Чем пахло?

Зойка глубоко затянулась, выпустила дым и посмотрела на небо. Она всегда так делала, когда хотела сказать что-то важное, но боялась сглазить.

— Мясом. Сладким. Знаешь, как когда барашка жарят? Только бараниной так не пахнет. Человеком пахнет. Я знаю этот запах. У меня дед на войне был. Он рассказывал.

Таисия наконец подняла голову. Глаза у неё были красные — то ли от усталости, то ли от недосыпа.

— Зойка, ты сама-то в это веришь?

Зойка бросила окурок в лужу. Тот зашипел, как змея.

— А у тебя есть выбор, Таисия? Ты можешь себе позволить не верить? Ты внуков во двор одна выпускаешь?

Таисия промолчала.

— То-то, — сказала Зойка и ушла, хлопнув железной дверью.

А Таисия осталась стоять посреди коровника, и в голове у неё вертелась одна мысль: если они людоеды, то почему их до сих пор не посадили? А если не людоеды, то почему все их боятся?

После работы, когда солнце уже клонилось к закату, Путя — так местные называли себя и свой посёлок — оживал по-своему. На лавочках у подъездов собирались старухи. У магазина толклись мужики с бутылками. Дети до темноты носились по дворам, но как только уличный фонарь зажигал свой тусклый, оранжевый свет, мамы начинали кричать: «Домой!»

Этого правила придерживались все, кроме одной семьи. Но семья эта была особенной.

В пять часов вечера Меланья Остаповна выходила из квартиры, садилась на свою лавочку, положив рядом синюю авоську с бутылкой, и смотрела на мир.

Она не заговаривала первой. Только смотрела.

Минут десять-пятнадцать старухи на другой лавочке еще держались, но потом любопытство пересиливало страх, и кто-нибудь из новеньких — например, приехавшая погостить из Киева внучка — обязательно подходила. «Баба Мила, а правда, что вы...»

И Меланья начинала рассказывать.

Неспешно, смакуя подробности, с какими-то непонятными интимными интонациями, словно делилась рецептом вареников с вишней.

— Я так убивала, — говорила она, стуча костлявой ладонью по колену. — Раз — и всё. А потом печень вырезала. Она ещё тёплая была. Так и на сковородку.

Старухи крестились, а внучка бежала домой и долго не могла уснуть.

Но никто не вызывал милицию. Потому что милиция — это к участковому, а участковый уже знает. И ему уже надоело. И он уже говорил: «Меланья Остаповна, вы бы поменьше пили, а то выдумываете всякое».

Но Меланья не выдумывала. Или выдумывала. Никто не знал наверняка.

Даже Таисия.

Особенно Таисия.

В тот вечер, вернувшись с фермы, Таисия застала у своего подъезда картину, от которой сердце ухнуло в пятки. Меланья сидела на лавочке одна. Рядом — Толя. Они не разговаривали. Просто сидели и смотрели на дверь.

И на стене у подъезда кто-то написал мелом: «Людоеды, валите отсюда».

Толя, увидев Таисию, усмехнулся и достал сигарету.

— А, соседка. Привет. Как работа?

Таисия проскочила мимо, не ответив.

В подъезде она снова задержала дыхание, проходя мимо их приоткрытой двери, и слышала, как Меланья сказала сыну:

— Не обращай внимания, Толя. Они просто боятся. А бояться — это вкусно.

— Чего — вкусно? — спросил Толя устало.

— Страх. Он как печень. Тёплый.

Толя не ответил. Или ответил, но Таисия уже взбежала на второй этаж и закрыла дверь на три замка.

Она прислонилась спиной к стене и прошептала:

— Господи, спаси и сохрани.

Из кухни вышла внучка — пятилетняя Анечка — с рисунком в руках.

— Бабушка, смотри, я нарисовала.

На рисунке — дом, дым, чёрный квадрат окна и красная лужа.

— Кто это? — спросила Таисия, зная ответ.

— Тётя Миля готовит ужин, — сказала девочка и улыбнулась.

Таисия взяла рисунок, свернула его и положила в стол, в папку, где уже лежало с десяток таких же. Она не знала, зачем хранит их. Может быть, для заявления. Может быть, для собственной памяти.

А может быть, для того дня, когда всё раскроется.

И этот день, сама того не зная, уже приближался.

Глава 2. Приезжая

«Нива» с отваливающимся бампером и киевскими номерами въехала в Пустоваевск во вторник, ближе к обеду. Солнце стояло низко даже в полдень — осень, туман, серое небо, которое давило на крыши так, что хотелось согнуться. Машина проехала по главной улице, обогнула памятник Ленину, которого так и не снесли, потому что не на что было заказывать кран, и остановилась у магазина «Продукти».

Из «Нивы» вышла женщина лет сорока, в чёрных брюках, тёмном пуховике и потрёпанных кедах — одетая так, будто собралась в археологическую экспедицию, а не в журналистскую командировку. Длинные светлые волосы, собранные в хвост, бледное лицо без макияжа, внимательные серые глаза, которые, казалось, замечали всё: от трещины в асфальте до ржавого гвоздя в стене.

Вера Борисовна Коваленко была независимой журналисткой. Не той, что гоняется за «жареным» и снимает сюжеты для жёлтых программ — нет. Она работала с архивами, с нераскрытыми делами, с семьями пропавших без вести. Три года она вела расследование о людях, исчезнувших в Киевской области в девяностые и нулевые. Двадцать три фамилии в её блокноте. Восемь — с пометкой «найдены». Пятнадцать — без следа.

Пустоваевск был шестнадцатым.

Она ничего не знала о людоедах. Не верила в них. Она верила в статистику, протоколы, экспертизы и человеческую глупость. Глупость была самым надёжным свидетелем.

— Здравствуйте, — сказала она бабке на лавочке, которая сразу же уставилась на неё с той смесью любопытства и недоверия, какая бывает только у сельских пенсионеров. — А где здесь дом номер тринадцать по Гагарина?

— Вам кого? — спросила бабка, не ответив на вопрос.

— Таисию Васильевну Передрий.

Бабка, Зойкина мать, которую все звали тётя Паша, поджала губы, оглядела Веру с ног до головы и наконец кивнула в сторону улицы:

— Вторая секция, первый этаж. Только вы не вовремя. Таисия на работе. Вечером приходите.

— Я подожду, — сказала Вера и села на соседнюю лавочку, засунув руки в карманы.

Тётя Паша помолчала, покрутила головой и не выдержала:

— Вы из газеты?

— Да. А что?

— А то, — тётя Паша понизила голос до шёпота, — что если вы про людоедов, то лучше бы вы не приезжали.

— Почему?

— А потому что люди злые. То одну газету присылали, то другую. Только шуму много, а толку ноль. Милиция не шевелится, а тем — хоть бы что.

Вера достала блокнот.

— Расскажите, тётя Паша. Я ничего не публикую без проверки. Я просто собираю информацию.

Тётя Паша глянула на неё с подозрением, потом тяжело вздохнула и начала:

— Они тут живут, эти... в первой квартире. Мать и сын. Толя — здоровенный, страшный. Ручищи — как у мясника. И точно, он ж мясником работал на бойне, когда ещё завод работал. Мать — пьяница. Признавалась уже не раз, что людей... того... Но милиция говорит — она невменяемая, не берите в голову. А мы берём.

— Вы верите, что они ели людей?

— А вы не верьте, — тётя Паша махнула рукой. — Поживёте здесь — сами всё увидите. Запах из их вытяжки слышали? Вот когда услышите — тогда и поговорим.

Вера не ответила. Она записала в блокноте: «Запах. Вытяжка. Сладкое мясо».

Вечером она нашла Таисию.

Та возвращалась с фермы усталая, в заляпанном навозом халате поверх телогрейки, с бидоном в руке. Увидев незнакомую женщину на лавочке, остановилась, положила бидон на землю и спросила:

— Вы ко мне?

— Если вы Таисия Васильевна, то к вам. Я — Вера Коваленко, журналист. Я занимаюсь пропавшими людьми. Мне сказали, что у вас в поселке есть история.

— Какая история? — Таисия взглянула на Веру с усталой неприязнью. — О людоедах? Так вы не первая.

— Я не гонюсь за сенсацией, — спокойно ответила Вера. — Я просто хочу разобраться. У меня есть список пропавших в Киевской области. Четверо из них связаны с вашим посёлком. Пантелей, двое мужчин в девяносто восьмом, женщина в двухтысячном.

Таисия побледнела.

— Откуда вы знаете про женщину?

— Из архивов. Её дело не раскрыто.

Таисия помолчала, потом кивнула в сторону подъезда:

— Пойдёмте. Только тихо. Внучка спит.

Квартира Таисии была маленькой, двухкомнатной, с низкими потолками и вечным запахом супа и валерьянки. В углу кухни — иконы, лампада, вырезки из газет на стенах. На столе — стопка бумаг, перевязанная бельевой верёвкой.

— Садитесь, — сказала Таисия, снимая халат и вешая его на гвоздь у двери. — Чай будете?

— Буду.

Таисия долго молчала пока закипал чайник, пока заваривала заварку — не из пакетика, а из железной банки с жёлтым цветочком, — пока доставала из шкафа печенье «Топлёное молоко» в мятых обёртках. Вера не торопила. Она знала: в таких разговорах главное — пауза.

— Я пропавших не видела, — начала наконец Таисия. — Только слышала. И запах. И вот эти... — она кивнула на папку с рисунками. — Внучка рисует. Говорит, что видела, как тётя Миля готовит ужин. А ужин — это красное. Мясо.

Вера взяла рисунок — красная лужа, чёрный глаз окна, дым.

— А милиция?

— А милиция говорит — нет заявлений, нет тел, нет дел. Пантелея нашли без печени — сказали, сокрытие следов. Дядьку Сашу — то же самое. А женщину ту вообще не искали. Никто не искал. Родственников нет, сожитель пропал, тело не найдено — в архив.

Таисия вздохнула, налила чай себе и Вере.

— Я не знаю, людоеды они или нет. Но я знаю, что я боюсь. И не я одна. Весь посёлок боится. И этот страх уже дольше, чем я здесь живу. Двадцать лет. Вы представляете — двадцать лет жить со страхом за стенкой?

Вера представляла. Она видела такие глаза у матерей пропавших детей, у жён убитых мужей — тот же усталый, притупившийся ужас, который уже не кричит, а только сидит на кухне и пьёт чай с печеньем.

— А вы писали заявления?

— Сто раз. — Таисия достала из стола потрёпанную папку. — Вот. Все копии. Первое — девяносто восьмой год. Последнее — прошлый месяц. Ответ везде один: «Сообщаем, что по вашему заявлению проведена проверка, оснований для возбуждения уголовного дела не усмотрено». Подпись. Печать. И всё.

Вера перелистала бумаги. Всё верно. Типовая бюрократия, за которой стоит либо лень, либо страх, либо нежелание копать там, где может всплыть что-то неудобное.

— А что говорят соседи? Я уже говорила с тётей Пашей.

— Соседи? — Таисия усмехнулась. — Соседи говорят разное. Одни верят, другие нет, третьи не хотят вмешиваться, четвёртые сами подливают Меланье водку, чтобы та им страшные истории рассказывала. Знаете, у нас тут скучно. Люди хлебом не корми — дай послушать про людоедов.

— А вы?

— А я? — Таисия посмотрела на Веру. — Я бы хотела, чтобы они уехали. Или чтобы их посадили. Или чтобы выяснилось, что это всё сказки. Я просто хочу, чтобы моя внучка могла гулять во дворе. Понимаете?

Вера кивнула.

Она понимала.

Ночь Вера провела в комнате, которую сняла у Зойки. Дом Зойки стоял напротив, через дорогу, и окно выходило прямо на дом 13.

В два часа ночи она проснулась от того, что кто-то включил свет в квартире 1. Сквозь грязное стекло она видела тень — огромную, медленно перемещающуюся по кухне. Толя. Он ходил туда-сюда, потом остановился у окна, замер на минуту, а потом зажёг сигарету. Огонёк вспыхнул — и на секунду Вера увидела его лицо.

Оно не было злым. Оно было усталым, опухшим, как у человека, который не спит ночами и знает, что его ненавидят, но не может ничего изменить.

Из вытяжки потянуло дымом. Сладковатым, тяжёлым.

Вера не спала до утра.

Ей всё ещё не хотелось верить в людоедов. Но запах был. И страх был. И двадцать лет молчания — тоже были.

Утром она собралась и пошла к дому 13. Не в квартиру — во двор. Толя стоял на крыльце, курил, смотрел на неё без удивления.

— Вы журналистка? — спросил он сиплым голосом.

— Да. Вера.

— Из той передачи? Про людоедов?

— Нет. Я просто собираю информацию о пропавших людях.

Толя усмехнулся, затянулся, выпустил дым в серое небо.

— Пропавших — это интересно. А я здесь при чём?

— Вы живете в этой квартире. Ваша мать рассказывает соседям, что убивала людей. Вы отсидели за убийство. Вы — главный подозреваемый, даже если не виноваты.

— А я виноват, — сказал Толя, не глядя на неё. — Я мясник. Я скотину резал. А людей — нет. Но разницы, может, и нет.

— Вы можете мне рассказать?

Толя посмотрел на неё долгим, тяжёлым взглядом.

— А вам не страшно?

— Страшно, — честно сказала Вера. — Но я всё равно спрошу.

Толя докурил, затушил окурок о перила и сунул руки в карманы.

— Заходите, — сказал он. — Только мать не будите. Она сегодня плохая.

Вера перешагнула порог квартиры 1, и её тут же окутал тот самый запах. Сладкий, мясной, въевшийся в стены, в обои, в половики, в пыль на шкафах. Ей показалось, что она вошла в бойню.

— Садитесь, — Толя кивнул на табуретку. И добавил: — Только не трогайте нож на столе. Он острый.

Нож лежал на разделочной доске, большой, с чёрной рукояткой, лезвие отточено до бритвенной остроты. Рядом — кусок сала, нарезанный тонкими ломтями.

Вера села. Она ещё не знала, что этот разговор изменит её жизнь.

Но Толя уже знал.

Он начал:

— Вы хотите правду? Правда в том, что я не знаю, кто я. Мясник. Убийца. Сын людоедки. Или просто неудачник, которого все ненавидят. Я сам не помню половины того, что делал в девяностые. Пьяный был. А мать... мать может, и правда, того... людей... Я не спрашивал. Боялся спросить.

Он замолчал и уставился в окно, за которым занимался серый рассвет.

Вера достала диктофон, положила на стол между ними.

— Расскажите мне всё, — сказала она. — С самого начала.

Толя кивнул и начал.

Это была долгая история.

И она только начиналась.

Глава 3. Пантелей

В девяносто седьмом Пустоваевск ещё дышал. Сахарный завод работал в две смены, по главной улице ходили грузовики с буряками, в Доме культуры по субботам крутили боевики с Ван Даммом, а в летнюю пору на стадионе гремела дискотека — магнитофон «Росия» на батарейках, мигающая лампочка, самогон из-под полы.

В девяносто седьмом Пантелей Шевчук вернулся из армии. Два года в Национальной гвардии, охрана складов под Житомиром, без единого выстрела. Дембельнулся, приехал в родной Пустоваевск, а здесь — ничего. Армия кончилась, а жизнь не началась. Завод ещё работал, но зарплату выдавали сахаром и чековой книжкой. Мать умерла ещё до его призыва, отец спился. Хата пустовала, окна выбиты, печка развалена.

Пантелей был мужик здоровый, русый, с открытым лицом и руками, которые умели всё: и косить, и плотничать, и скотину забить. Пил, но без злобы. Когда напивался — плакал. Жаловался соседке снизу, тёте Рае, что жизни нет, что девки не смотрят, что работать негде.

Тётя Рая посоветовала: «Сходи к Меланье. Она мужиков привечает. И квартира есть, и жратва. И баба — хоть и старая, но не одна».

Пантелей послушался. Переехал к Меланье в начале осени.

Сначала всё было тихо. Пантелей работал на заводе грузчиком, приносил деньги. Меланья варила борщ, стирала, даже улыбалась иногда. Сын её, Толя, сидел в тюрьме — дело какое-то хулиганское, мелкое, года на два — так что в квартире было спокойно.

Соседи удивлялись: «Гляди-ка, прижился. Может, у неё и правда не всё плохо?»

Но тётя Рая, жившая этажом выше, замечала странное. По ночам из квартиры Меланьи доносились звуки — не крики, нет, а какой-то глухой, ритмичный стук. *Тук-тук-тук*. Как будто дрова рубят. Но дрова у Меланьи были, в сарае. Зачем рубить в квартире?

— Ты что там делаешь по ночам? — спросила её как-то тётя Рая.

— Да кости собаке, — ответила Меланья. — Я угощаю дворнягу, она дверь охраняет.

Но собаки у Меланьи не было.

Пантелей пропал в декабре. Ушёл на работу — и не вернулся.

Сначала никто не беспокоился — мало ли, запил, уехал к друзьям. Но прошла неделя, вторая. Новый год встретили без него. А в середине января Зойка, ходившая мимо сарая Меланьи, заметила, что земля у стены свежая, как будто копали.

— Меланья Остаповна, чего это вы землю перерыли? — спросила она, заглянув во двор.

— Крысу закопала, — ответила Меланья. — Большая была, жирная.

Зойка не поверила. Крыс тут полно, но их не закапывают с таким усердием. И земля была утрамбована, а сверху — доски и кирпичи.

Она позвала Таисию.

— Запах чуешь? — спросила Зойка, стоя у забора.

Таисия принюхалась. Из-под досок тянуло сладковатой, тошнотворной вонью. Она работала на ферме, знала, как пахнет разлагающаяся плоть. Но не человеческая — она думала. Скорее, собачья или свиная.

— Может, свинью зарезала? — предположила Таисия.

— А свинья у неё где? — ответила Зойка. — У неё даже курей нет.

Они пошли в милицию.

Районный отдел милиции в Володарке — тридцать километров от Пустоваевска, но ощущение, что триста. Здание с выцветшим флагом, внутри запах махорки и перекипевшего кофе. За столом в дежурной части сидел капитан Корнейчук, ленивый, с мятым лицом, в гимнастёрке без пуговицы.

— Чего у вас? — спросил он, не отрываясь от газеты «Кримінальна хроніка».

— Пантелей пропал, — сказала Таисия. — Месяц уже. И у Меланьи в сарае запах.

Капитан вздохнул, отложил газету.

— Пантелей — это сожитель той, алкашки?

— Да. Он не пил.

— Все говорят, что не пьют, — капитан хмыкнул. — Ладно, приедем. Но если ничего не найдём — штраф за ложный вызов.

На следующий день участковый лейтенант Ковальчук прибыл в Пустоваевск. Худой, с вечно больным видом, в форме, которая висела на нём как на пугале. Он обошёл дом, заглянул в сарай, понюхал.

— Может, труп животного, — сказал он, пожимая плечами. — А Пантелей, я думаю, уехал. У него же паспорта нет? Ну вот. Бомжует где-нибудь в Киеве.

— Он с билетом на поезд уехал? — спросила Зойка с ехидцой. — У него денег не было даже на хлеб.

Лейтенант развёл руками — дескать, не моя забота — и уехал.

Но через неделю вернулся. С опергруппой.

Потому что ночью кто-то позвонил на пульт «102» и сказал: «В доме 13 по улице Гагарина в сарае закопан труп. Копайте». Звонок был с таксофона на вокзале Белой Церкви, и голос принадлежал женщине, пожилой, пьяной — или показалось.

Копали долго. Сначала сняли доски. Потом кирпичи. Потом — полтора метра земли. И на глубине, в мешке из-под сахара, нашли Пантелея.

Труп был в странном состоянии. Не разложившийся — декабрь, мороз, земля промёрзла, — но расчленённый. Руки — отдельно, ноги — отдельно, туловище — отдельно. И не хватало печени. И на руках — ни мяса, ни жил, только кости, обскобленные аккуратно, как на бойне.

— Собаки? — спросил лейтенант у эксперта.

— Нет, — ответил эксперт, пожилой патологоанатом из Белой Церкви, которого подняли среди ночи. — Следы ножа. Тупого, но умелого. Человек разделывал тушу. Как свинью.

— Зачем?

— Может, чтобы спрятать. Или чтобы съесть.

В тот же день арестовали Толю. Он только что вернулся из тюрьмы — по малолетке — и сидел на кухне, пил чай. Мать была пьяна в стельку, ничего не соображала.

— Ты убил Пантелея? — спросил следователь.

Толя посмотрел на него долгим, тяжёлым взглядом. Потом перевёл глаза на мать, которая сидела в углу, обхватив голову руками.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.